

*Архимандрит АРИСТАРХ (Станкевич),
ризничий Троице-Сергиевой Лавры*

ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА ЛАВРА И РУССКАЯ КУЛЬТУРА

Чем чаще мы говорим или думаем о Троице-Сергиевой Лавре, о ее огромном значении в духовной жизни нашего народа, тем в большей славе и духовном величии встает пред нами образ ее основателя. В образ, в жизнь Преподобного Сергия на протяжении веков всматривались многие поколения русских верующих людей. Но эти поколения русского народа приходили и сейчас приходят к Преподобному Сергию не только для того, чтобы посмотреть, но и поучиться его святому житию и духовной культуре.

Руководимый Промыслом Божиим, Преподобный Сергий посвятил свою жизнь нравственному воспитанию русского народа. Одним из методов воздействия Преподобного на окружающих людей был личный живой пример его святой жизни. «Житие» Преподобного, составленное учеником его Епифанием Премудрым, повествует нам о том, с каким искренним смирением, с какой неослабной энергией трудился Преподобный на нужды братии. Уже будучи игуменом, он был для иноков его обители и поваром, и пекарем, и мельником, и дровоколом, портным, плотником — одним словом, служил братии как раб купленный, по выражению Жития. Помимо этого, на нем лежал и более тяжкий, хотя и менее заметный труд по духовному воспитанию иноков.

С любовью принимал он приходящих в обитель, особенно пристально наблюдал за духовным состоянием новичков, распределял послушания — каждому по силам и склонности. Каждую ночь заботливый игумен ходил мимо келлий, легким стуком в дверь напоминая тем, кто предавался празднословию, об основном иноческом делании — молитве, а наутро осторожными намеками, тихой и кроткой речью, не обличая резко, не делая упреков, вразумлял согрешивших и вызывал у них раскаяние. С терпением и любовью врачевал души Преподобный Сергий, и под его мудрым управлением в обители из пришедших в нее разных по характеру и складу людей складывалось настоящее братство, в духе апостольской общины, где у многих верующих были единая душа и единое сердце (Деян. 4, 32). Именно в этом и состояла главная заслуга Преподобного Сергия для русской культуры — в том, что он возродил на Руси дух апостольского христианства, сумел создать и утвердить в своей обители ту евангельскую основу жизни, атмосферу единодушия и единомыслия, которая составила фундамент и главное достояние нашей национальной культуры. Другими словами можно сказать, что Преподобный «угадал» и развил те принципы, которые изначально присущи культуре как явлению человеческой жизни.

В самом деле, в наиболее широком смысле культура — это всё, что создано человеческим обществом благодаря деятельности людей, вся совокупность духовных и материальных ценностей, накопленных человечеством за время его исторического существования. И само слово «культура» по-латыни означает возделывание, обрабатывание. То есть человек, как поставленный Богом владыка материального мира, возделывает, преобразует этот мир, и продукт этой деятельности и есть человеческая культура. В этом едином в своей сущности процессе обычно выделяют три составные части:

- 1) хозяйственная, или практическая, деятельность, материальная культура — совокупность материальных ценностей, созданных человечеством;
- 2) научная, или теоретическая, деятельность — результат осмысления явлений природы, физических законов и выработка соответствующей системы понятий, образующих основу научного знания;
- 3) религиозная, литургическая деятельность, или духовная культура, которая служит запросам высшей, духовной природы человека и устанавливает его отношения с Горним миром.

Эти три направления человеческой культуры соответствуют трехчастному разделению природы человека — дух, душа и тело. И как в человеке до грехопадения эти три части находились в гармоническом единстве при господстве духа, так и в человеческом обществе в идеальном его состоянии должна быть достигнута целостность культуры при господстве в ней духовного

начала. При такой гармонии, когда решающую роль в обществе играет литургическая деятельность, остальные составные части культуры, подчиненные ей, — материальная и теоретическая, — освещаются, и тем самым вся жизнь общества становится своего рода священнодействием. При этом человеческая культура и достигает во всех областях наибольшего расцвета, ибо она тогда соответствует своему назначению — прославлять Творца — и человеческой деятельности в ней максимально содействует благодать Святого Духа. Напротив, при умалении духовного начала развитие науки и создание материальных благ оказывается в конечном счете бесплодным и приводит лишь к застою, а потом и распаду человеческой культуры. Именно к такому выводу приходят сейчас специалисты различных наук, философы, общественные деятели. Для нас же этот вывод очевиден — не только потому, что такова традиция Православия, искони утверждающая примат духовного над материальным, но и потому, что в нашей истории мы видим наглядное подтверждение этому. Мы видим, как Преподобный Сергей — духовный родоначальник Московской Руси — сумел воплотить в своей личности гармонию нравственного идеала христианина, и мы видим, какое сильное влияние оказали его личность и созданная им обитель на формирование русской культуры. «Вглядываясь в русскую историю, — пишет о. Павел Флоренский, — в самую ткань русской культуры, мы не найдем ни одной нити, которая не приводила бы к этому первоузелу, к этому Ангелу земли Русской: нравственная идея, государственность, живопись, зодчество, литература, русская школа, русская наука — все эти нити русской культуры сходятся к Преподобному» (ТСЛ и Россия, с. 9). И дело тут не в количественных характеристиках — не в числе учеников Радонежского игумена, основавших новые обители на Руси, не в размерах благотворительности, которой всегда отличалась Троицкая обитель, не в материальном достатке, установившемся здесь по нелепому обещанию Небесной Заступницы, не в красоте зданий и не в прочности монастырских стен. Дело совсем в другом. Преподобный Сергей явился воспитателем и великим собирателем народного духа. Время, в которое он жил, явилось переломной эпохой в жизни русского народа. Татарское нашествие середины XIII века принесло с собой не только бедствия внешние, не только разорение городов и сел, безвременную гибель и массовое рабство мирных жителей. Русские люди потеряли нравственную опору в жизни. Они с надеждой осматривались вокруг в ожидании освобождения, но освобождение не приходило. Многочисленные русские князья пресмыкались перед татарами и воевали друг с другом, продолжая прежнюю политику междоусобных распрей, приведшую Русское государство к порабощению монголами. Золотая Орда, литовские князья, немцы и шведы делили между собой русские земли. Непрерывающаяся вражда и распри, постоянные набеги завоевателей, усилившееся невежество — всё это грозило не только русской культуре, но и самому существованию русского народа как нации. И вот в этой обстановке исторического тупика луч надежды воссиял из скромной и неприметной Троицкой обители «на Маковце». Именно здесь русские люди увидели новую жизнь — жизнь, чуждую раздоров и ненависти, которыми переполнена была многогосударственная Русская земля, жизнь, где господствовали любовь и сострадание, которых так не хватало тогда русскому обществу. «Тихость, кротость, слова молчание, смирение, безгневие, простота без пестроты, любовь, равная ко всем человекам» — эти качества Преподобного Сергея в течение всего его 50-летнего иноческого подвига незаметно распространились по Руси, духовно врачая, укрепляя и утешая русских людей. И народ воспринял духом, в нем стала пробуждаться вера в свои нравственные силы и открылась перспектива национального возрождения. «В лице Преподобного Сергея, — говорит о. Павел Флоренский, — русский народ сознал себя, свое культурно-историческое место, свою культурную задачу и тогда только, сознав себя, — получил право на самостоятельность» (*Свящ. П. Флоренский. Троице-Сергиева Лавра и Россия*, с. 9). Примечательно наставление, данное Преподобным великому князю Дмитрию Донскому перед Куликовской битвой: «Если враги хотят от нас чести и славы — дадим им; если хотят злата и серебра, дадим и это; но за имя Христово, за веру православную, нам подобает душу свою положить и кровь свою пролить» (*Никон*, с. 149), то есть охранение, защита и утверждение православной веры, по мысли Преподобного, должны стать основой русской государственности, фундаментом народной жизни. Победа в Куликовской битве подтвердила жизнеспособность этого принципа, это была именно победа правой веры, победа нравственной силы над грубой физической силой. И в дальнейшей истории нашей страны именно силой веры русские люди «прогоняли полки чужих» (Евр. 11,34), этой силой строились города, заселялись непроходимые леса и пустыни, вера вдохновляла зодчих и иконописцев, благодаря вере распространялось просвещение. В этом многовековом процессе становления и развития русской культуры обитель Преподобного Сергея — эта сокровищница нашей веры, сердце русского Православия — имеет особое, только ей свойственное значение. Она — как бы «краткий конспект бытия нашей Родины», художественный портрет России, место, где наше Отечество ощущается как целое. Все основные направления русской культуры берут свое начало отсюда, как от истока. Русская иконопись нить своего предания ведет от иконописной школы Лавры. Русская архитектура на протяжении всей нашей истории лучшими своими достижениями обязательно присутствует в Лавре, так что можно утверждать, что обитель Преподобного Сергея —

подлинный исторический музей русской архитектуры. Русская книга, русская литература и вообще все русское просвещение основное свое питание получали всегда от просветительной деятельности Лавры. Так было и при самом Преподобном, основателе обители, от эпохи которого сохранилось драгоценное собрание рукописей, так было и в новейшее время, на рубеже XIX—XX веков, когда Лавра стала одним из крупнейших издательских центров. Не случайно именно здесь, в Лавре, нашла себе приют Московская Духовная Академия — духовное порождение обители, ведущее свое начало от просветительного и учебного кружка Максима Грека. Не случайно именно благодаря Лавре возникли крупнейшие современные центры декоративно-прикладного искусства, так же как Абрамцевское художественное училище и Всесоюзный институт игрушки в г. Загорске. Их деятельность, можно сказать, освещена самим Преподобным Сергием, который своими руками делал игрушки для детей, приходивших в его обитель.

Итак, в Троице-Сергиевой Лавре, как в фокусе, собраны лучшие достижения русской культуры, и сама эта культура в своей первооснове, в своей близости к духовным источникам, ее породившим, наверно, лучше всего может изучаться именно здесь — «у Сергия на Маковце». Не случайно поэтому описанию и исследованию художественных ценностей Лавры посвящена обширная литература — около 80 наименований, согласно альбому «Троице-Сергиева Лавра» издания 1985 года, и поток этой литературы постоянно растет. Однако, будучи ограничены рамками доклада, мы не имеем возможности уделить достаточно внимания всем тем вопросам, которые связаны с нашей темой, не имеем возможности подробно анализировать все те стороны русской культуры, которые так или иначе связаны с обителью Живоначальной Троицы. Поэтому ограничимся немногим — зато, на наш взгляд, самым существенным.

Прежде всего, именно в Лавре отчетливо понимается та особенность русской культуры, которую лучше всего назвать церковностью или литургичностью. Русская культура немаловажна вне церковной жизни, ее невозможно понять и представить в отрыве от Священного Предания Православной Церкви, в отрыве от неповторимых по своей красоте и глубине веками сложившихся форм православного богослужения. Более того, именно от Православия, как от источника живой воды, русская культура получает творческий импульс для своего развития, именно связь с Православием объясняется богатейшее содержание, разнообразие форм и возвышенный характер достижений нашей культуры. Почему так? Потому что только Православию дано видение особой, мистической красоты духовного мира — красоты в собственном смысле этого слова, красоты как отражения бесконечных совершенств Творца в тварном мире, как явления славы Божией, наполняющей Вселенную. И эта красота абсолютной гармонии проявляется в области нравственной — в духовном облике святых, она созерцается в природе, но особое ее присутствие — в православном богослужении, где она осознается и воспринимается как ни с чем не сравнимая «сладость церковная».

Еще одна особенность Православия существенна для понимания русской культуры как культуры церковной по преимуществу. Протоиерей Сергей Булгаков назвал эту особенность — «религиозный реализм». Суть его в том, что все церковные чинопоследования и обряды — не просто воспоминания событий Священной истории, не одни только бессодержательные символы, напротив — благодать Святого Духа, Божественная энергия, пронизывающая их, связуя эти символы с высшей, надмирной реальностью, оживляет священные воспоминания. Вот почему участие в жизни Церкви — это всегда мистическое общение со Христом, с ангелами, со святыми, это приобщение к тому опыту свидетельства, который имели апостолы — «самовидцы и слуги Слова» (Лк. 1, 2). Отсюда и достижения культуры имеют смысл и значение в той мере, в какой они способствуют этому проникновению в Горний мир, в какой они приобщают человека к духовному опыту Церкви. Если не иметь в виду этого обстоятельства, если к художественным ценностям русской культуры подходить с мерками секулярного, чисто светского сознания, то анализ этих ценностей будет всегда страдать неполнотой, поверхностностью, как бы ни были обширны познания и высока квалификация исследователя. Более того, люди с особо тонким, «художественным» восприятием окружающего мира даже считают, что, скажем, православную икону не имеет смысла созерцать вне храма; и даже в самом храме, но при отсутствии богослужения, впечатление от этой иконы будет не таким глубоким и не таким верным, как во время церковной службы, когда зрительное восприятие образа дополняется пением и чтением, запахом ладана, видом горящих свечей и лампад, действиями священнослужителей. В связи с этим понятна особая, можно сказать, исключительная роль Троице-Сергиевой Лавры, как сокровищницы русской культуры. Она — не просто архитектурный ансамбль произведений зодчества, но именно Дом Живоначальной Троицы, обитель, в которой обитают живые люди — иконы. Иконы в ее храмах — не музейные экспонаты, запрятанные под стекло и снабженные этикетками, но это неотъемлемая часть «храмового действия», по выражению свящ. П. Флоренского, то есть они участвуют в богослужении, в той жизни Церкви, которая постоянно пребывает в монастырской ограде. Можно сказать, что в Лавре мы наблюдаем русскую культуру во всей ее целостности. Именно здесь осуществляется тот самый синтез всех направлений человеческой культуры — теории, практики и священнодействия — при господстве последнего, поскольку весь ритм и строй жизни обители определяется богослужебным циклом.

Значение обители Преподобного Сергия для русской культуры велико и еще в одном отношении. Всякая культура предполагает наличие идеала, основного принципа, который она призвана воплотить в жизни. Культура, как уже было сказано, — это возделывание, обрабатывание, это преобразование жизни. Но во имя чего преобразовывать? К чему стремиться? Ради чего трудиться? Культура обязана дать ответ на эти вопросы. Заслуга Преподобного Сергия в том, что именно он указал русской культуре, в чем должен быть ее идеал. Та высшая реальность, которая одушевляла его самого в его подвигах, — Живоначальная Троица, — становится ведущим принципом всего культурно-исторического строительства русского народа. В нем, в этом идеале сосредоточивается всё, что близко и дорого сердцу русского человека, — стремление к единству в любви и взаимопониманию в противовес раздору и вражде мира должного, эталон нравственного совершенства — святости, чистоты и простоты, искание неземной, высшей мудрости, посылаемой в благодатном приобщении к несозданному Троическому свету. Сам Преподобный Сергий осуществил этот идеал в своей жизни: по свидетельству писателей его жития душа его стала нерукотворной обителью Живоначальной Троицы, распространяя по всей Руси тепло благодатного утешения, мира и святости. Но для русской культуры Преподобный Сергий оставил и драгоценное наследие в зримом образе. Это знаменитая чудотворная икона Пресвятой Троицы преподобного Андрея Рублева, которую по справедливости считают прекрасным плодом духовного влияния версоссийского игумена. Эта икона в настоящее время признается не только вершиной нашего изобразительного искусства, но и символом всей русской культуры, поэтому мы считаем нужным остановиться на ней подробнее.

История появления этой иконы хорошо известна. Преподобный Никон, ближайший ученик и непосредственный преемник Преподобного Сергия, во время своего игуменства построил новый каменный Троицкий собор — «церковь прекрасную воздвиге в память и похвалу отцу своему», как говорят об этом событии летописцы. Для украшения собора были приглашены лучшие иконописцы и среди них — преподобный Андрей Рублев, которому Никон дал особое послушание — «написать образ Пресвятыя Троицы в похвалу отцу своему, святому Сергию Чудотворцу». Преподобный Андрей был к тому времени (1422—1423 гг.) уже в преклонных годах, иконописцем не только большого таланта, но и с богатым опытом — «писание святыя иконы, чудны зело и украшены». Свои художественные способности инок-иконописец одухотворял подвигами монашеского жития — строгим воздержанием, частыми и усердными молитвами. По свидетельству преподобного Иосифа Волоцкого, преподобный Андрей старался всегда ум и сердце возводить к Горнему миру. Он особенно любил созерцать святые иконы, предаваясь этому занятию преимущественно в праздничные дни, когда оставлял свои обычные иконописные труды.

По своему духовному складу инок Андрей Рублев был очень близок Преподобному Сергию. К тому же его жизнь оказалась во многом связана с Сергиевой обителью. Полагают, что начало его иконочества было положено в Троицком монастыре, здесь же получил он и первые уроки иконописания (*Л. Успенский*, Вестник, с. 44). Рублев родился около 1360 года и, вполне возможно, застал еще в обители в живых самого Преподобного Сергия. Дальнейшая жизнь его протекала в кругу непосредственных учеников великого старца. Они старались в чистоте и неприкосновенности соблюдать заветы Преподобного Сергия: смиренную кротость, нестяжание, любовь к людям и уединенное богомыслие. Основная цель их подвигов — осуществление и проповедь любви, как главной добродетели, направленной к Богу и к человеку, любви, уподобляющей человека Богу и объединяющей людей между собой. Эти черты, эти устремления духа и постарался воплотить преподобный Андрей Рублев в своем искусстве. Он скончался в 1430 году, но влияние его на последующие судьбы русской культуры, а особенно, конечно, иконописи, было очень велико. «Московская живопись, — замечает академик И. Грабарь, — на всем протяжении XV века не могла уйти из-под властного гипноза рублевского искусства, являя в своем развитии непрерывную цепь тех же мыслей, чувств и форм» (*Антология*, с. 82). Известный собиратель икон преподобного Андрея Рублева был преподобный Иосиф Волоцкий. В его время иконы письма Рублева считались драгоценностью, они были украшением лучших коллекций, за них давали огромные суммы, их использовали в качестве подарков в особо важных случаях особо знатным людям. Стоглавый Собор в своих определениях засвидетельствовал об этой славе великого иконописца, поставив его произведения как образцы иконописного мастерства.

Рублевская «Троица» — бесспорно лучшее творение художника. Написанная в рамках канонического ветхозаветного сюжета — явления Бога Аврааму в виде трех Ангелов (Быт. гл. 18) — она как бы раздвигает эти рамки, сообщая откровение о непостижимой и сокровенной жизни Триипостасного Божества. «Нас умиляет, поражает, — пишет о. Павел Флоренский, — в произведении Рублева вовсе не сюжет... а внезапно вздернутая перед нами завеса идеального, Горнего мира» (ТСЛ и Р, с. 76). Всякого, созерцающего эту икону, поражает резкий контраст — нашей обычной земной реальности, то есть миру должному, который «во зле лежит» (1 Ин. 5, 19), противопоставлен бесконечный, невозмутимый и ненарушимый мир небесный. «И этот-то неизъяснимый мир, струющийся широким потоком прямо в душу, ...эту пре-

небесную лазурь, ...эту невыразимую грацию взаимных склонений, эту премирную тишину без-глагольности, эту бесконечную друг перед другом покорность — мы считаем творческим содержанием Троицы», — так писал о. Павел Флоренский (с. 76—77).

Своим произведением иконописец старается возвести зрителя от земного к небесному, показать, насколько ценности Горнего мира превосходят всё то, что может дать человеку земная жизнь: «Человеческая культура, представленная палатами, мир жизни — деревом и земля — скалою, — всё мало и ничтожно пред этим общением неиссякаемой бесконечной любви; всё — лишь около нее и для нее, ибо она — своею голубизною, музыкою своей красоты, своим пребыванием... выше всех земных определений и разделений, ...есть сама безусловная реальность, есть то истинно лучшее, что выше всего сущего». Воплотить подобный замысел на иконе преподобный Андрей бы не смог, если бы не получил духовной силы от Преподобного Сергия. Именно Преподобный Сергий должен быть почитаем за вдохновителя и первотворца рублевской Троицы. В этой иконе, по мнению Е. Н. Трубецкого, выражена основная мысль всего иконоского служения Преподобного, стремление к восстановлению гармонического единства Вселенной, единства человечества вокруг Христа по образу совершенного единения Лиц Пресвятой Троицы, единства, о котором молился Сам Спаситель в Гефсиманском саду: «Отче Святый! Соблуди их во имя Твое, которых Ты Мне дал, чтобы они были едино, как и Мы» (Ин. 17, 11). Этот призыв к единению во имя высшей реальности, запечатленный на иконе, был близок сердцам русских людей XIV века. Глядя на образы Рублева, люди явственно понимали, почему Троица называется Живоначальной, ибо они чувствовали на своем опыте, что именно единство в любви есть жизнь и начало жизни, напротив, вражда, раздоры и разделения разрушают, губят и приводят к смерти. Потому-то икона Троицы и стала символом русского духа, эмблемой русской культуры.

Интересна и по-своему знаменательна история этой иконы. До 1929 года она находилась в Троицком соборе Лавры, справа от Царских врат. Слои олифы, покрывавший икону, со временем потемнел, так что живопись несколько раз за пять веков поновлялась свежими красками. В середине XV века при царе Иване Грозном на икону был сделан золотой оклад, по отзыву специалистов, не имеющий себе равных ни по замечательной форме, ни по искусству исполнения (ТСЛ, 1968 г., с. 163). На рубеже XVI—XVII веков, по повелению Бориса Годунова, был сделан новый золотой оклад на икону, а старый оклад Ивана Грозного был переложен на другую икону «Троицы» — копию рублевского образа, специально изготовленную для такого случая. Таким образом, к началу XX века первоначальное изображение шедевра русской иконописи оказалось практически неразличимым под драгоценными ризами и толстым слоем неоднократных поновлений. Между тем с конца XIX века в нашей стране резко повышается интерес к древнерусскому иконописному искусству. Эта волна оживленного внимания к прошлому достигла и рублевской «Троицы». В 1904—1905 годах художником-реставратором В. П. Гурьяновым была предпринята первая расчистка иконы. В 1918 году реставрация была продолжена, и с тех пор «Троица» приобрела вид, близкий к первоначальному.

Возрождение интереса к вдохновенному творению древнего мастера в XX веке, однако, проходит несколько на иной основе. С тех пор, как икона в 1929 году «переехала» в Третьяковскую галерею, она оказалась в поле зрения специалистов-искусствоведов, которые основательно и до мельчайших деталей исследуют ее художественные достоинства. Для сознания православного христианина, конечно, печально, что храмовая икона Троицкого собора покинула свое законное и веками намоленное место. Однако в этом перемещении нельзя не видеть дивного проявления Промысла Божия, премудро устрояющего судьбы Русской Церкви и всего нашего Отечества. XX век характеризуется значительным обмирщением всего уклада жизни, секуляризацией сознания. В этих условиях ценности культуры рассматриваются с чисто эстетической точки зрения, с точки зрения уровня профессионального мастерства, наконец, с точки зрения категорий этики. Духовная основа культуры, связь с реальностями высшего порядка, с теми истоками православной церковности, которыми всегда питалась русская культура, при этом остается вне поля зрения. Рублевская «Троица» в этих условиях выполняет свою задачу тем, что она возвращает специалистов и всех ценителей искусства к первоистокам русской культуры, приобщает их к сфере жизни Церкви. В самом деле, всем тем, кого привлекают художественные достоинства «Троицы», приходится так или иначе знакомиться с православной догматикой и священной историей, с аскетикой, литургикой и историей Русской Церкви.

Шедевр русской иконописи посвящаются исследования авторитетных ученых. Что же говорят они об иконе Рублева? «Если в искусстве можно говорить о постановке определенных задач и их решении, — говорит М. В. Алпатов, — то Рублев в «Троице» решил задачу, над которой билось едва ли не все Средневековье. Все представления о высшем благе, которым жили люди его времени, ...были выражены образно и наглядно. «Троица» Рублева поражает богатством своего содержания. Здесь и библейская легенда, и философское глубокомыслие, и рассказ, и созерцание, и беседа, и сосредоточенность, и нежность, и любовь, и задумчивость, и грусть, и сквозь грусть проглядывает светлая радость» (Антология, с.

112—113). Специалисты отмечают мастерство художника в композиционном построении иконы. Основа композиции — круг. Присутствуя незримо, едва проступая в очертаниях фигур, он объемлет, замыкает их, как бы дает зрительное подтверждение тому, что три Существа могут, не поступаясь Своей самостоятельностью, составить одно неделимое целое (с. 117). Круг — символ единства и покоя, но вместе с тем фигуры Ангелов объединяются в одном общем, правом и скользком движении внутри круга. Тем самым выражается таинственная, сокровенно струящаяся жизнь Троиственного Божества (Быт. 22, с. 27). Прямые энергичные линии и острые углы Рублев чередует с необыкновенным тактом с плавными закругленными, в которых заключено очарование музыкального ритма (Антология, с. 98). Вообще многие исследователи говорят о «певучей гармонии» этой иконы, сравнивают ее с музыкальными и поэтическими произведениями. Та же гармоничность наблюдается и в цветовой гамме иконы. «Краски „Троицы“, — пишет академик И. Грабарь, — являют редчайший пример ярких цветов, объединенных в тонко почувствованную гармонию взаимоотношений. Легкие оттенки розово-сиреневых, серебристо-сизых, тона зеленеющей ржи, золотисто-желтых неожиданно сочетаются с ярко-голубым, белая скатерть стола удачно контрастирует с темно-вишневым хитоном среднего Ангела и делает его цветовым центром композиции. И все это — с бесподобным художественным тактом и безупречным чувством меры» (Антология, с. 79). Многие видят в этом подборе цветов «отражение красок природы Средней России той поры года, когда колышутся на взгорьях зеленеющие, но уже посветлевшие зацветающие хлеба, когда над ними плывут в лазури громады облаков-соборов с их лиловыми тенями, ...когда из глубины небес звенит песнь жаворонка, а солнечные лучи, словно золотые иглы... пронизывают весь мир, играя в переливающей ряби безмятежных рек и озер» (с. 123).

Несмотря на обилие книг и статей, посвященных этой иконе, сами же авторы признают, что «в „Троице“ есть, помимо всего, непостижимое уму, невыразимое словами очарование, которое независимо от наших знаний, сведений, наблюдений охватывает нас каждый раз, когда мы стоим перед ней» (с. 119).

Характерно, что интерес к прославленной иконе, а под ее влиянием — и ко всей древнерусской иконописи существует не только у профессионалов-искусствоведов. Вот что пишет, например, едва ли не самый популярный журнал «Огонек» (№ 14 за 1987 год).

«Одним из отрадных явлений по праву можно назвать живейший, год от года возрастающий интерес самых широких кругов нашей общности к истокам национальных культур, в частности древнерусской, к сокровищам иконописи и церковного зодчества» (с. 26). Тут же помещена иллюстрация — черно-белая репродукция со знаменитой «Троицы». Нельзя не видеть в этом действительно отрадном явлении культурной жизни нашей страны непрекращающегося и поныне духовного влияния великого молитвенника земли Русской — Преподобного Сергия.

По теме данного доклада можно говорить еще очень много, но мы ограничимся тем, что сказано, а именно, что Преподобный Сергий и созданная им Лавра указывают русской культуре, в чем ее первооснова, где источник ее силы и каков ее идеал, к которому следует стремиться. Сохранение этого животворного начала, исходящего из Дома Живоначальной Троицы, — залог процветания культурной жизни, уклонение от него — начало упадка и разрушения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Троице-Сергиева Лавра. Сергиев Посад, 1919.
2. Троице-Сергиева Лавра. М., 1968.
3. Троице-Сергиева Лавра. М., 1985.
4. *Свящ. П. Флоренский*. Собрание сочинений, т. I. Париж, 1985.
5. *Прот. С. Булгаков*. Православие. Париж, 1985.
6. *Архиеп. Сергей (Голубцов)*. Воплощение богословских идей в творчестве Преподобного Андрея Рублева. — Богословские труды, сб. 22, с. 3—67.
7. Троица Андрея Рублева. Антология. М., 1981.
8. *Архим. Никон (Рождественский)*. Житие и подвиги Преподобного и Богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского и всея России чудотворца. Троице-Сергиева Лавра, 1898.
9. *В. О. Ключевский*. Значение Преподобного Сергия Радонежского для русского народа и государства. — Богословский вестник, 1892, № 10, с. 190—204.
10. *Л. Успенский*. К юбилею Андрея Рублева. — Вестник Западно-Европейского экзархата, 1960, № 35, с. 44—53.
11. Журнал «Огонек», 1987, № 14.